

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

.....

С. Р. Урчукова¹

В современных условиях особую роль приобретает деятельность политических элит как социальных субъектов, изначально обладающих ресурсами и свободой в принятии стратегически важных решений и способных осуществлять целенаправленные управленческие воздействия на общество. Это относительно привилегированная, политически господствующая группа, претендующая на представительство интересов народа в демократическом обществе и в той или иной мере подконтрольная массам.

Ключевые слова: бюрократия, власть, массы, ресурсы, эгалитаризм, элита.

In present conditions particularly is more important to political elites action are a social actors, which have the resources and freedom for making strategic decisions and the ability to carry out targeted managerial impact on society initially. This is a relatively privileged and politically dominant group, which claims to represent the people and in a democratic society in some way controlled by the masses.

Key words: bureaucracy, power, mass, resources, egalitarianism, elite.

Политическая элита выступает основополагающим субъектом политического процесса, играющим главенствующую роль в постсоветском развитии России. Культурные, морально-нравственные установки, ценности и интересы политической элиты оказывают особое влияние на её политическую и социальную деятельность, что непосредственно требует более детального раскрытия самого понятия политической элиты и анализа основных факторов формирования политической элиты на протяжении мировой истории.

Совокупность многих факторов расслаивает общество на массу и элиту, которая формирует цели и перспективы развития, принимает стратегически важные решения и использует ресурсы государственной власти для их реализации. Отсюда и прямая зависимость между уровнем развития и качеством политической элиты, что подчеркивает важность исследования формирования и перспективы развития этого слоя общества.

¹ Урчукова Саида Рауфовна — аспирант кафедры политологии и истории Карачаево-Черкесской государственной технологической академии. Эл. почта: ursaida@yandex.ru

Н. А. Бердяев ввел понятие «коэффициент элиты» [12, с. 122], которое представляет собой отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных людей. Если коэффициент приближается к 1%, это грозит государству распадом, застоём в политической жизни. При этом сама элита превращается в замкнутую касту, лишённую возможностей обновления. Если же коэффициент составляет более 5%, то это означает, что общество обладает высоким потенциалом развития, зависящим от соотношения грамотного и неграмотного населения.

Исследование формирования политической элиты вызывает интерес социологов, политологов и культурологов. В результате своеобразного социального и психологического отбора в каждой крупной социальной и профессиональной группе происходит дифференциация людей по качеству и уровню выполняемых ими социальных и профессиональных ролей. Узкий слой людей, наиболее удачно, эффективно выполняющих задачи, стали называть элитой сообщества.

С момента формирования классической теории элит прошло уже немало времени. Однако ее исследовательские традиции развиваются и сегодня.

Американский политолог Ч. Р. Миллс, анализируя элиту США середины XX в., определил ее как группу статусов и стратегических ролей и включил туда «тех, кто занимает командные посты». С точки зрения Миллса, элиту составляют государственное руководство, корпорации и армия [11, с. 181].

Представление о современной элите как замкнутой касте сформулировал французский политолог Р.-Ж. Шварценберг [19, с. 87]. Эта каста во Франции представляет собой «треугольник власти», состоящий из политиков, высшей администрации и деловых кругов. Она полностью контролирует власть, формирует правительство, управляет государством, руководит крупными корпорациями и банками.

Природу элиты в обществах советского типа пытался выявить социолог и политический деятель Югославии середины XX в. М. Джиллас. По его мнению, после социалистической революции к власти приходит новый политический класс, состоящий из бывших революционеров и государственной бюрократии. Основой класса является Коммунистическая партия. Природа нового политического класса не экономическая, как в западных странах, где элита обладает властью благодаря наличию собственности как средства производства, а политическая. В свою очередь, обладая монополией на политическую власть, этот класс подчиняет себе национальную собственность [5, с. 78].

Современные российские политологи рассматривают элиту как движущую силу политического развития. В частности, И. Дискин определяет элиту как «субъект принятия стратегических решений». Этот подход, отмечает он, «предполагает некоторую априорную избранность людей, стоящих на высших ступенях социальной иерархии» [6, с. 31].

В.В. Фесенко пишет, что монополия на принятие и доступ к властным ресурсам делает элиту движущей силой социально-политической и экономической трансформации [16, с. 87-94].

К.В. Куколев понимает под элитой совокупность особых отношений в сфере управления и регулирования властных ресурсов [9, с. 42-47].

В XX в. новые научные дисциплины все чаще стали формироваться не просто как специализированные области уже сложившихся научных дисциплин, а именно как дисциплины, интегрирующие достижения разных, главным образом смежных наук (порой весьма далеких друг от друга), причем часто методы и концепции одной науки оказываются эвристическими при решении проблем, возникающих перед другой научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус. Элитология сформировалась в русле политической философии и политической социологии, но интегрировала достижения и методы смежных дисциплин. Она сложилась как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке политологии, социальной философии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии.

Элитологи занимаются исследованием элиты, ее состава, законов функционирования, прихода ее к власти, роли в социальном процессе, причин ее деградации и ухода с исторической арены.

Большинство элитологов исходят из того, что элита является определяющей силой исторического (в том числе политического) процесса, его субъектом [7, с. 4-5].

Социально-философские и политические течения, в которых в качестве центральной утверждается идея о том, что необходимой составной частью любой социальной структуры выступает высший управленческий или интеллектуальный слой, определяющий общественную динамику, существуют уже тысячелетия. Имея в виду и давнюю историческую традицию, и основательно разработанный в последнее столетие научный инструментарий, следует говорить о существовании элитистской парадигмы в социально-философском и гуманитарно-научном знании и в повседневной ментальности.

Этой парадигме оппонирует парадигма эгалитаризма, получившая наиболее широкое хождение в Европе, начиная с эпохи буржуазных революций, когда требования личных свобод и равенства граждан заняли центральное место в политических сознаниях и многих доктринах.

Эгалитаризм является общественно-политической теорией, обосновывающей равенство, исходным пунктом в понимании которого является равенство имущества, поэтому часто характеризуется как утопическая теория. Следует отметить, что существуют и другие концепции эгалитаризма как равенства результатов, для них очень важны проблемы вклада и вознаграждения, способ-

ностей потребностей, перераспределения доходов. Истоки этой теории уходят в общественные движения Древней Греции, Рима, религиозные учения.

Проблемам эгалитаризма особое внимание уделяли марксисты. При капитализме, как считал К. Маркс [10, с. 58], изменение высоты и профиля экономического неравенства могло быть практически безграничным, но при социалистической форме организации этот чрезвычайно рельефный профиль мог бы превратиться в абсолютно «плоскую» форму «экономического» эгалитаризма. Конечно, подобные взгляды в реальной жизни осуществить невозможно.

В современных условиях можно выделить различные подходы к проблеме равенства. Неолибералы и социал-демократы, будучи сторонниками умеренного эгалитаризма, стремятся найти компромисс между равенством возможностей и равенством результатов, выступают за сглаживание имущественных различий, недопущение большого разрыва между доходами и т. п. Неоконсерваторы очень отрицательно относятся к этой идее, ибо считают, что она противоречит принципу свободы и самой природе человека. В коммунистической идеологии идея равенства всегда была первостепенной, преобладающей по отношению к свободе. Однако общественная практика свидетельствует, что реализация идей равенства имущества как условия подлинного эгалитаризма неизменно связана с насилием, идеал оказывается недостижимым, в обществе с неизбежностью появляются «более равные». Об этом нам напоминает знаменитая орруэловская «социалистическая заповедь»: «Все животные равны, но некоторые животные равны более чем другие» [8, с. 426].

Дилемма «элитизм — эгалитаризм» и в наше время противоречиво пронизывает весь свод гуманитарного знания. В условиях демократического общества более популярны стали идеи равенства, социальной справедливости, равных возможностей, такая приоритетная ценность, как человеческая свобода, и понимание того, что каждый раз создаются основания для элитистских подходов [2, с. 48].

Анализ элит — политической, экономической, военной, административной и других — основывается на определенных методологических принципах и инструментальных подходах к их выявлению, типологизации, описанию, рассмотрению механизмов генезиса и воспроизводства.

В первую очередь среди методологических принципов выделим принцип социальной детерминации элит. В многовековом споре о том, кому принадлежит ведущая роль в социальном развитии — отдельным личностям, элите и массам, сформировались многочисленные элитарские и эгалитарские подходы. В работах сторонников социального равенства, отрицающих общественную роль элит или постулирующих их паразитическую сторону, зачастую проблемы участия масс в политическом управлении идеализируются и рассматриваются с позиции долженствования. Самоуправленческие начала постулируются в качестве атрибута современного общества. Между тем удельный

вес самоуправленческих начал в современном обществе не слишком велик не только в силу «элитарного паразитирования», но и по чисто объективным причинам. Система объективных обстоятельств, обуславливающих дальнейшее развитие, составляет содержание принципа социальной детерминации элит. К ним относятся: 1) антропологическое неравенство — неодинаковые способности и склонности людей к управленческой, в том числе и политико-управленческой деятельности; 2) продолжающаяся в процессе цивилизационного развития профессионализация управленческого труда, обуславливающая нарастающие требования к управленческой культуре и компетентности в сфере разных секторов управления, в том числе в политическом; 3) не снижающаяся социальная значимость управленческой деятельности, обуславливающая соответствующую стратификацию и стимулирование этой деятельности; 4) асимметричное (ввиду положения управленцев) разделение распорядительных и контрольных функций в социальном управлении; 5) узкоизбирательные формы политической активности широких масс населения (электоральное поведение, акции протеста) и преобладание их политической и управленческой пассивности [3, с. 85].

Второй принцип, действие которого существенно проявляется в исследовании элит, назовем принципом цивилизационного своеобразия элитобразующего процесса. Суть его состоит в специфике механизмов рекрутирования элит и контрэлит, особенностях критического поведения элит, социально-культурных характеристиках и соотношений различных видов социального управления, прежде всего политического.

Третий принцип в анализе элит российского общества, который следует выделить, — это принцип идеалов и норм научной рациональности. Прежде всего он означает признание равноправия (и отсюда плюрализма) различных людей. Естественно, что эти модели конкурируют между собой, однако результатом длительного диалога между представителями разных моделей является скорее всего не поражение одной и утверждение в качестве единственно верной другой, а взаимная дополнительность или конвергенция.

В любой научной области, а в междисциплинарной (к которой принадлежит элитология) особенно, к методологическим основаниям следует отнести не только принципы, но и развивающие их методологические установки.

Аргументы «от психологии», одни из самых распространенных объяснений элитаризма, можно условно разделить на три группы: инстинктивистские, фрейдистские (близкие к первым, но учитывающие одновременно роль социальной среды в формировании личности ребенка) и бихевиористские (обычно рассматриваемые как альтернативная позиция, поскольку их сторонники считают, что внешняя среда, прежде всего социальная, определяет поведение людей). Впрочем, у всех этих трех групп психологов можно обнаружить общие черты. Их, в частности, отмечает Э. Фромм [18, с. 75]. Если у инстинктивистов

человек живет прошлым своего рода, то у бихевиористов — сегодняшним днем. Если для первых человек — это машина, унаследовавшая модели прошлого, запрограммированная на образцы поведения, в которых существует множество *homo sapiens*, то для вторых человек — это машина, способная воспроизводить только социальные модели современности.

По мнению российских исследователей, позицию инстинктивистов можно суммировать следующим образом: «...деление общества на элиту и массу есть следствие врожденных черт личности, следствие генетически запрограммированных инстинктов. Большинству людей присущи инстинкты стадности, конформизма, а меньшинству — импульсивная, причем неумеренная жажда власти, стремление командовать. Именно между такими людьми и происходит борьба за элитные позиции в обществе» [3, с. 88].

Ученые утверждают, что предметом исследования психологии вместо неопределенного термина «сознания» должно быть поведение — то, что поддается верификации; психологию следует превратить в науку, способную управлять поведением; манипулируя внешними раздражителями, можно воспитать человека с заданными константами поведения. Человеческое поведение формируется под воздействием социального окружения, определяется не врожденными, генетически запрограммированными свойствами, а социальными и культурными факторами (которые и мотивируют стремление человека попасть в элиту). Поэтому психология призвана заниматься прежде всего изучением того, какие механизмы стимулируют поведение человека [3, с. 91].

Бихевиористы видят свою задачу в изучении того, какие механизмы стимулируют человека в его деятельности и как они могут быть эффективно использованы в программировании поведения людей, прежде всего правящей элиты. Впрочем, бихевиористы по понятным причинам не признают открыто, что выполняют социальный заказ элиты. И уж во всяком случае, они не хотели бы, как правило, выступать в роли пособников насильственного, диктаторского правления. Ведущий теоретик необихевиоризма Б. Скиннер писал: «Я уверен, что никто не хочет развития новой системы отношений типа «хозяин — слуга», никто не хочет искать новых деспотических методов подавления воли народа властью имущими. Это образцы управления, которые были пригодны лишь в том мире, в котором еще не было науки» [1, с. 35]. Впрочем, автора этих слов Э. Фромм резонно упрекает в наивности. «Спрашивается, в какую эпоху живет профессор Б. Скиннер? Разве сейчас нет стран с эффективной диктаторской системой подавления воли народа? И разве плохо, что диктатура возможна лишь в культурах «без науки»?.. На самом деле ни один политический лидер и ни одно правительство никогда не признаются в своих намерениях подавить волю народа» [17, с. 50]. Сам Б. Скиннер откровенно признает: «...нам приходится иметь дело с волей к власти или параноидальными заблуждениями лидеров». Тем не менее школа Б. Скиннера усиленно работает над решением про-

блем контроля и управления массовым поведением, заказы на которые явно поступают от правящей элиты. Причем Б. Скиннер выражал сожаление по поводу того, что «поведенческой технологии, сопоставимой по мощности и точности с физической и биологической, не существует» [1, с. 32].

Однако инстинктивизм и антиинстинктивизм — крайние позиции, между которыми лежат компромиссы, переходы и допущения. Даже Б. Скиннер, подчеркивая определяющую роль социокультурных факторов, не исключает полностью роли генетических предпосылок.

Среди многочисленных последователей и реформаторов фрейдизма отметим В. Рейха и Э. Эриксона, утверждавших, что характер человека формируется в раннем детстве, в кругу семьи с ее нормами и установками, а поскольку ее структура носит, как правило, авторитарный характер, этот авторитаризм порождает социальную структуру с властвующей элитой и послушной ей массой. Участие взрослого человека в общественной жизни, в решении социальных конфликтов есть всего лишь средство решения внутренних конфликтов, коренящихся в особенностях формирования личности в детском возрасте, вылившихся в невротические реакции. Объяснения факта проникновения того или иного человека в элиту он, как и другие фрейдисты, предлагает искать в психоанализ личности.

Особенно развернуто элитаризм сформулирован в цивилизационной концепции А. Тойнби. По его мнению, стимул и толчок социальному развитию дают «редкие сверхлюди, способные разрушить круг примитивной жизни и совершить акт творения». По А. Тойнби, «акт социального творчества — прерогатива либо творцов-одиночек, либо творческого меньшинства». Это творческое меньшинство — элита; цивилизация развивается, когда элита динамична, и вырождается, когда иссякают ее творческие потенции. Именно наличие элиты обуславливает развитие цивилизации, «подтягивание нетворческого большинства общества до уровня творческих пионеров, без чего невозможно поступательное движение вперед... Большинство дрессируется руководящим меньшинством и подражает ему» [14, с. 260].

Практически все элитологи согласны с тем, что элита управляет делами общества. В силу этого необходимо выяснить соотношение элиты и слоя людей, профессионально занимающихся управленческой деятельностью, — бюрократии (собственно, низшее и среднее звенья бюрократии вряд ли можно отнести к элите; тогда естественно предположить, что элита — это высшее звено бюрократии).

Концепция бюрократии знаменитого немецкого социолога и политолога Макса Вебера рассматривается как важный вклад в элитологию, в обоснование элитаризма. По его мнению, «власть, основанная на прихоти, чувствах, предубеждениях ее носителей и потому непредсказуемая, сменяется правлением экспертов, принимающих оптимальные решения, действия которых пред-

сказуемы, сменяется властью, основанной на бесстрашных формальных правилах и процедурах, подкрепленной жесткой дисциплиной, иными словами, иррациональная администрация сменяется рациональной» [4, с. 83].

Как видим, М. Вебер позитивно интерпретирует феномен бюрократии как власти, отчужденной от народа, выражающей интересы эксплуататорских классов. К. Маркс связывал ее с потерей организацией содержательных задач своей деятельности, с главенством формы над содержанием (бюрократия «выдает формальное за содержание, а содержание за нечто формальное»). Бюрократия есть «государственный формализм». «Бюрократия считает самое себя конечной целью государства... Бюрократия, есть круг, из которого никто не может выскочить. Верхи полагаются на низы во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение» [10, с. 271-272].

Особый интерес представляет для нас вопрос о соотношении элит и бюрократии. Некоторые политологи отождествляют эти понятия: бюрократия и выступает как элита. Другие политологи исходят из того, что бюрократия — административный аппарат элит. Представляется достаточно взвешенной следующая формулировка: «Политическая воля элит реализуется главным образом через бюрократический аппарат, постоянно занимающийся государственными делами. Элита намечает главные цели и магистральные линии деятельности государства, а бюрократический аппарат их реализует. Последний может саботировать выполнение их. Сильная бюрократия может навязать свою волю, частично превращаясь в политическую элиту» [13, с. 32].

Если биологические и психологические интерпретации элитаризма выливаются в попытку доказать, что вхождение в элиту — следствие особенностей генотипа и психологических особенностей человека, то наиболее распространенные ныне варианты элитизма поднимают проблему на надындивидуальный уровень, интерпретируя элиту как функцию социальных отношений, как удовлетворение потребностей общества в управлении.

Элитаризму противостоит эгалитаристская парадигма, антиэлитизм. Однако и в истории политической мысли, и в настоящее время элитистская парадигма превалирует. Тем не менее ряд исследователей считают, что в российском массовом сознании указанные парадигмы продолжают сосуществовать и поиск оптимальной политической системы идет в условиях борьбы и взаимодействия, а отчасти и взаимопроникновения обеих парадигм [3, с. 115-116].

Существование политических элит в обществе обуславливается действием ряда объективных тенденций. Общество, как все сложно организованные системы, нуждается в профессиональном управляющем воздействии, что вызывает необходимость в разделении труда на управляющих и управляемых. Ему необходимы люди, обладающие социальными знаниями, навыками, опытом, способные осуществлять управленческие функции. Кроме того, политическое

неравенство в обществе есть результат неравенства психических, социальных и иных условий, которые создают различные возможности заниматься политикой для разных социальных групп и индивидов. Следует учитывать и то, что управленческий труд высоко оценивается и стимулируется в обществе, а близость к власти открывает широкие возможности для реализации индивидуальных потребностей. Это обстоятельство заставляет многих людей стремиться во властные институты. Наконец, существование политической элиты обусловлено пассивностью широких слоев населения, которые, занимаясь решением собственных повседневных проблем, обычно предпочитают держаться подальше от политики.

В. Трушков утверждает, что интерес к вопросам роли правителей, власть предержащих, высших слоев общества, всех, кто принимает важнейшие решения в политической, экономической, идеологической и иных жизненно важных областях социальной жизни, оказывает огромное, порой определяющее влияние на жизнь миллионов людей. Кроме того, он закономерен и естественен. Эти люди неизменно находились в фокусе общественного интереса, на авансцене истории и их, естественно, не обходили вниманием исследователи социально-политических процессов. Но особенно этот интерес возрос в последние десятилетия, что связано с рядом объективных и субъективных причин, в частности, с возрастанием роли элитных слоев в политическом пространстве, их возможностей манипулировать сознанием масс, опираясь на новейшие средства массовой информации. Воздействие управленческих решений, принимаемых элитой, на судьбы миллионов людей таково, что ее качество, квалификация, социальные и этические характеристики существенно важны для общественно-политического потенциала страны [15, с. 56-57].

Таким образом, политическую элиту правомерно будет определить как внутренне сплоченную социальную группу, составляющую меньшинство общества, отличающуюся особыми социально-психологическими качествами, ценностями, стереотипами, нормами поведения, обладающую властными ресурсами, что дает ей возможность принимать важнейшие решения, а также обеспечивает престиж и привилегированное положение. Властные ресурсы и система ценностей — главные параметры выделения политической элиты, которые в свою очередь зависят от конкретных исторических, институционально-культурных особенностей. Элита признается ключевым актором политического процесса, который имеет доступ к инструментам власти и монополизирует право на принятие решений и формирование политических программ.

Библиографический список

1. Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.
2. Ашин Г.К. Наука об элитах и элитном // Власть. 2004. № 1.

3. *Ашин Г. К., Понеделков А. В.* Основы политической элитологии. М.: Изд-во ПРИОР, 1999.
4. *Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006.
5. *Джиллас М.* Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.
6. *Дискин И.* Реформы и элиты: институциональный аспект // *Общественные науки и современность.* 1995. № 6.
7. *Зубаревич Н. В.* Пришел, увидел, победил? (Крупный бизнес и региональная власть) // *Pro et Contra.* 2002. Т. 7, № 1.
8. *Коновалов В. Н.* Политический словарь. Ростов н/Д: РГУ 2001.
9. *Куколев К. В.* Провинциальный аспект политико-экономических элит // *Власть.* 1997. № 4.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М.: ИТРК, 2009.
11. *Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959.
12. *Мухаев Р. Т.* Политология. М.: Захаров, 2005.
13. *Санистебан А.* Основы политической науки. М.: МП «Владан», 1992.
14. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Логос, 2003.
15. *Трушков В.* Отечественная политическая элита: способы вычленения // *Диалог.* 2000. № 10.
16. *Фесенко В. В.* Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // *Полис.* 1995. № 6.
17. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: Аст, 1994.
18. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Изида, 1990.
19. *Шварценберг Р.* Политическая социология: в 3 ч. М.: Высшая школа, 1992. Ч. 1.